

Е.И. Ядченко
Белорусский государственный университет, г. Минск
E.I. Yadchenko
Belarusian State University, Minsk

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ ДИСКУРС-КАТЕГОРИИ 'ПРОСТРАНСТВО' В ДИСКУРСИЯХ АФГАНСКИХ БЕЖЕНОК ИЗ БЕЛАРУСИ И ГЕРМАНИИ
STRUCTURAL AND SEMANTIC CONTENT OF DISCOURSE CATEGORIES OF SPACE IN THE DISCOURSE OF AFGHAN REFUGEES FROM BELARUS AND GERMANY

Ключевые слова: дискурс, текст, лейтмотивное глубинное интервью, дискурс-категория, дискурсивное пространство, дискурс-картина мира

Keywords: discourse, text, leitmotiv-depth interviews, discourse category, discursive space, discourse picture of world

В результате первичного тематического анализа была выстроена тематическая модель дискурсии, репрезентирующая специфику членения и структурирования респондентом окружающего мира. В данной статье представлен опыт вторичного глубинного анализа дискурса – реконструкция дискурс-категории «пространство адресанта» на материале двух лейтмотивных глубинных интервью с афганскими беженками из Беларуси и Германии.

As a result the primary thematic analysis was built the thematic discourse model, representing the specific division and structuring of the world of the respondent. This article presents the experience of the secondary-depth analysis of discourse – reconstruction of the discourse category "space addressee" on the material of the two leitmotiv in-depth interviews with Afghan refugee women from Belarus and Germany.

С позиции каузально-генетической теории (Методология, 2002; Попова, 2008; Савич, 2001) дискурсивное пространство конституируется через «взаимодействие двух видов его содержания, которые могут быть представлены как картины мира и картины кортежного взаимодействия» (Методология, 2008). Для операционализации процедуры анализа двух видов содержания И.Ф. Ухванова вводит понятие «дискурс-категория» и предлагает 31 содержательную категорию, лежащую в основании функционирования дискурса (*самоидентификация, время, пространство, миссия, атрибутивность, деятельность, роль и др.*) (Методология, 2002: 18). Эти категории соподчинены внутренней организации дискурса, имеют иерархическую, структурную, системную и линейную организацию, а значит, могут подвергаться *реконструкции* (там же, с. 52).

Предметом изучения в данной публикации становится дискурс-категория «пространство адресанта». *Материалом* для данной публикации послужили тексты двух лейтмотивных глубинных интервью с афганскими беженками. Интервью проводились в июне и августе 2011 года.

Данные о респонденте №1: Фатима, женщина, 21 год, родилась в Афганистане, выросла в Беларуси (с двухлетнего возраста), владеет афганским и русским языками, студентка ВУЗа (платное отделение), работник организации по оказанию помощи беженцам.

Данные о респонденте №2: Наргес, женщина, 20 лет, замужем за афганцем (приехал из Афганистана), родилась и выросла в Германии (родители – афганские беженцы), в совершенстве владеет афганским и немецким языками, образование среднее, профессии пока не имеет.

1. Географическое пространство. Под *географическим пространством* респондента мы понимаем совокупность всех географических названий, сопряжённых с жизнью респондента – как реальной (проживание, перемещение, непосредственный контакт), так и модальной (желаемое, воображаемое).

1.1. Географическое пространство Фатимы представлено географическими названиями ‘Мачулищи’, ‘Колядичи’ и сопряжено с ранним периодом жизни респондента (*раньше жили в Мачулищах // В Колядичах продавали семечки*). Географию перемещения семьи в результате миграции отражают такие названия как ‘Пакистан’ (*мы уехали в Пакистан потом, побыли некоторое время там*), ‘Москва’ (*Потом визу открыли и приехали в Москву*), ‘Минск’ (*мы щас же в Минске живём*).

Материально-жизненное пространство (квартира), профессиональное пространство (университет, работа) и интерактивное пространство (семья, друзья, знакомые) респондента сосредоточены в пространстве Минска. С одной стороны, респондент атрибутирует Минск как единственный город, толерантный к беженцам, противопоставляет ему другие города как ‘*не место для иностранцев*’. С другой стороны, материально-жизненное пространство Минска репрезентировано в дискурсии Фатимы как «дорогое, затратное пространство» (*Конечно, в Минске дорого снимать квартиру, но жить-то надо*). В целом, дискурс Фатимы, спроецированный на тему «Минск», описывает вокруг пространства квартиры, которая реализуется в дискурсии как пространство желаемое, однако трудно доступное (*мы реально не можем получить квартиру*), дорогое (*жильё очень тяжело... триста пятьдесят там за квартиру платим долларов*), а в некоторых случаях даже закрытое (*Были дни, что мы были на улице, негде было жить...*).

Расширение географического пространства Фатимы происходит на основании критерия «миграция родственников» и включает такие названия как ‘Украина’, ‘Казань’, ‘Пакистан’, а также ‘Афганистан’ (*У меня один дядя в Украине живёт*). Критерий «родственные связи» выступает в некоторой степени привязкой респондента к её исторической родине – Афганистану. Сама Фатима заявляет об Афганистане как своей настоящей родине, на которую она мечтает вернуться (*Иногда маме говорю: мама, чего мы тут*

живём? Поехали обратно в Афганистан). На вербальном уровне тема «Афганистан» реализуется в дискурсе посредством слов с семантикой неопределённости ('какой-то дом', 'что-то случилось', 'что-то было такое страшное место') и спроецировано на прошлое время.

Всё прочее географическое пространство Фатимы, сопряжённое с материальным благополучием некоторых европейских стран, реализуется как «желаемое пространство» (*В Дании жизнь получше*). Всё, что не связано с материальным благополучием репрезентировано в дискурсии респондента как неопределённое географическое пространство и вербализуется посредством неопределённых местоимений 'что-то' (*там вот в Грузии что-то там случилось*), 'какой-то' (*какой-то взрыв в Москве был, и из-за этого как-то начали к восточным плохо относиться*).

1.2. Географическое пространство Наргес также локализуется на нескольких уровнях. Личное материально-жизненное пространство респондента сосредоточено в целом в пространстве Германии (*mein Leben ist hier in Deutschland*), однако и выходит за его рамки, расширяется до размеров всей Европы, вербализованной в дискурсе Наргес как 'западный мир' (*ich habe mich gewöhnt an das Leben hier in einer westlichen Welt, in Deutschland*). Критерием локализации себя в рамках Германии выступает, во-первых, высокий уровень жизни (*Oh, ich habe ja echt gutes Leben*). При этом в качестве базовых ценностей респондент эксплицирует 'электричество' (*oder der Strom, wo ich nun das Licht anmache*), 'отопление' (*normale Heizung*), 'воду' (*Hier gibt es fließend Wasser*). На основании данного критерия Наргес выносит себя за рамки пространства Афганистана, определяя жизнь в нём как 'очень отсталую' (*Das Leben da ist schon sehr weit hinten*), а себя самую атрибуирует как 'привилегированную' (*dass ich hier in Deutschland ein bisschen Privileg bin*), поскольку имеет возможность жить в Германии. При этом характерно, что в локализации респондентом себя в данном пространстве присутствует аналитизм, основанный на непосредственном опыте – посещении Афганистана после многих лет жизни в Германии (*als ich nach Afghanistan gefahren bin, als ich einen Tag da war...*). Так, характерным в дискурсе Наргес выступает противопоставление высокого уровня жизни в Германии как 'само собой разумеющегося' (*in Deutschland ist alles ja selbstverständlich*) и бедности Афганистана (*Da (in Afghanistan) ist alles ganz anders: da gab es keinen Strom und kein Wasser*).

Вторым критерием локализации себя в пространстве Германии выступает для Наргес «спокойная жизнь», связанная с отсутствием военных действий. При этом семантическое поле войны, сопряжённое с пространством Афганистана, формируется в дискурсе Наргес лексическими компонентами 'гражданская война' (*wo es halt viel Bürgerkrieg gab*), 'атаковать', 'радикальные люди' (*die Angst, irgendwie attackiert zu werden von irgendwelchen radikalen Menschen*), 'Талибан' (*schreibt gegen die Taliban*), 'угрожающая жизни ситуация' (*lebensbedrohlichen Situation*), 'бомбы' (*jeden Tag sind Bomben*).

Вместе с тем Наргес снова включает себя в пространство Афганистана на основании критерия «единство национально-культурного мировидения». Так, свои ощущения в Афганистане она эксплицирует при помощи лексических компонентов ‘как дома’ (*habe mich wie zu Hause gefühlt*), ‘немного странно, но приятно’ (*ein bisschen merkwürdig, aber auch angenehm*), ‘прикольно’ (*habe mich cool gefühlt*).

Как и в первом случае, расширение географического пространства Наргес происходит на основании критерия «миграция родственников» и включает такие названия как ‘Америка’, ‘Голандия’, ‘Россия’ (*vor dreißigvierzig Jahren alle ausgewandert – nach Amerika, nach Deutschland... nach Russland*), ‘Индия’ (*sehr viele von uns in Indien*) и, в целом, разрастается до размеров всего мира (*verteilt auf der ganzen Welt*). Респондент эксплицирует единение со своими родственниками, взаимодействие и обмен опытом, например практике системы страхования здоровья в разных странах (*ich habe zum Beispiel nie gehört, ja, Versicherungen sind nicht gut*). Таким образом, респондент формирует образ крепкого народа в миграции, который не порывает связи, несмотря на территориальное разъединение.

2. Культурно-мировоззренческое пространство. Под *культурно-мировоззренческим пространством* респондента мы понимаем пространство, в котором респондент локализует себя на основании своей самоидентификации, ценностей, выбора общественно-культурной позиции (например, внешность женщины, положение женщины в обществе, взгляд на религию), образа жизни и пр. Данное пространство никогда не является однородным, а конституируется посредством некоего набора характеристик, привязывающих индивида в большей или меньшей степени к нескольким культурным сферам.

2.1. Культурно-мировоззренческое пространство Фатимы. В своём дискурсе Фатима позиционирует себя исключительно как представителя афганской культуры (*Как бы я ни красилась, как блондинка я была, ведь всё равно же видно, что я ... восточная, чего я должна стесняться?*). При этом она эксплицирует значимость в её жизни таких ценностей афганской культуры, как уважение к старшим, воспитание, национальные традиции и обычаи (*Извини, чего я должна стесняться своих традиций?*), семью (*Как могу семью свою бросить ..., чтоб уехать в Европу?*). С одной стороны, респондент акцентирует значимость общественного мнения в определении поведения афганской женщины (*мне звонят, спрашивают: приходи, мы клипы всякие делаем ... я бы пошла, просто мама говорит: все начнут про тебя плохо думать*) и, таким образом, локализует себя в рамках афганской культуры. Однако заявленная как ценность позиция респондента релятивируется в другой позиции дискурсии, а критерием для самоопределения Фатимы выступает количественный фактор «выгоды» (*Ты подожди, говорит (мама), со временем что-нибудь такое нормальное найди, чтобы дальше потом идти, не два дня тебя показывают*), реализованный в словосочетании ‘что-нибудь нормальное’.

Пожалуй, максимально глубоко культурно-мировоззренческое пространство Фатимы реализуется в её дискурсе в тематических блоках «Взгляды на семью» и «Самоопределение». Так, респондент эксплицирует право женщины на самоопределение, собственное мнение и решение в отношении своей жизни и судьбы, что отражают компоненты 'не по душе' (*Он мне (жених) не по душе*), 'хотеть от жизни' (*Я сама ещё не знаю, что я хочу от жизни*), 'не готова' (*Я, может быть, ещё не готова, чтобы выйти замуж*), 'свобода' (*говорит, я тебе дам свободу, чтобы как ты хочешь*).

Тема «Эмансипированность» формируется на лексическом уровне при помощи эмоционально-оценочных слов 'припёрся' (*припёрся ко мне на работу посмотреть, как что, поближе*), 'пялится' (*Он идёт и пялится на всех подряд*). На прагма-синтаксическом уровне респондент эксплицирует высказывания с семантикой возмущения, протеста, направленные на специфическое поведение потенциального жениха – желание ограничить её свободу (*Я не собираюсь из-за вас меняться, говорю // выйти за ваши деньги? ... Мне что делать нечего? // Если ты будешь моей женой, я тебя куда не пушу, говорит. – Здравствуйте, говорю, доехали! Чего это такое?*).

2.2. Культурно-мировоззренческое пространство Наргес. Наргес позиционирует себя как человека с 'афганскими корнями' (*die Wurzeln, die ich habe, sind ja afghanische Wurzeln*), что в сознании респондента сопряжено с общностью мировидения всех носителей данной культуры (*man versteht auch die Mentalität, die wir haben, besser*). С немецким народом Наргес идентифицирует себя только на основании критерия «рождение в Германии» (*ich bin in dem Sinne schon Deutsch, weil ich hier geboren bin*). Респондент эксплицирует отказ от афганской традиционной внешности женщины, а своё кратковременное ношение хиджаба во время посещения Афганистана обозначает как 'довольно сложную задачу' (*mit dem... Kopftuch herumzulaufen ist für mich schon eine Aufgabe*). Вместе с тем респондент возводит в ранг нормы европейский внешний вид женщины – непокрытая голова, современная одежда. В своём дискурсе Наргес разграничивает 'современных' афганок (*die modernen Mädchen*) и 'отсталых' (*Afghanen die ein bisschen... zurückdenken*) 'полностью завуалированных' (*absolut verschleiert*) афганок. Респондент констатирует, что европейская внешность позволяет ей входить в немецкое культурное сообщество как «своей», что и определяет её позицию в самоопределении (*meistens nehme ich das als Kompliment an*). Вместе с тем, позиционируя себя как 'современную', Наргес градуирует данное понятие на «совершенно отсталые», «современные афганки», «умеренные европейцы» (в том числе и она) и «чересчур современные европейцы» (не принимает их ценности). Последнее проявляется в свободных сексуальных отношениях в браке, крайней степени открытости в одежде женщины (*sie zieht sich nicht solche Sachen an, wo man halt alles sehen kann // dass man BH und Unterhose sehen kann*).

В своём дискурсе Наргес позиционирует себя как афганку, не привязанную к религиозным предписаниям. Данное значение реализуется в сценарии «употребление алкоголя». Так, аргументом отхода от религиозных

мусульманских традиций в её семье (брат, сестра) выступает 'открытость' (*Mein älterer Bruder und meine Schwester sie trinken schon Alkohol // Das ist kein Problem, wir sind schon offener*). Респондент характеризует себя как 'открытого' человека (*Ich bin schon ein bisschen offener*), а своего мужа как 'типичного афганца' (*und er ist der typische Afghane*) и, в целом, противопоставляет себя и мужа как 'два мира, которые нельзя смешивать' (*das sind zwei Welten, die voneinander zu trennen sind*).

В теме «Афганская культура» Наргес дифференцирует «хорошие» и «плохие» афганские национальные традиции (*ich guck auch, welche Traditionen wirklich gut sind beim Weitergeben*) на основании критерия «отношение к женщине». Респондент отрицает 'насилие' (*dass er (Sohn) irgendwie Frauen nicht misshandelt*) и апеллирует к 'уважению' (*dass er die Frauen respektiert*) как основному принципу взаимоотношений мужчины и женщины в семье.

В темах «Взаимодействие», «Родственные браки» респондент выносит себя за рамки афганского культурного пространства на основании оппозиции признаков «открытый» - «отсталый». Отсталыми выступают афганцы, стремящиеся к родственным бракам, дабы остаться в 'своих' кругах в миграции (*sie denken, sie möchten in den eigenen Kreisen bleiben*). Как 'открытую' респондент характеризует себя (*so offen denken*). При этом респондент локализует себя в мультикультурном пространстве, которое в её дискурсе географически сопряжено с Германией (*Ich bin dafür, dass die Kulturen etwa offener werden und vermischen sich damit, was man hier in Deutschland hat*), апеллирует к 'взаимодействию' и 'смешению' культур.

По ряду признаков Наргес релятивирует «позитивность» немецкой культуры, что выражается посредством лексических компонентов 'это уже слишком' (*das wäre jetzt übertrieben*), 'всему есть границы' (*es soll schon eine Grenze geben*), 'золотая середина' (*die goldene Mitte*). Данная оценка эксплицируется по отношению к явлению свободных отношений в браке (*wir haben offene Beziehungen*), с которыми в сознании респондента сопряжено представление о 'западном мире' (*ich glaube, viele Leute, die jetzt in der westliche Welt leben*).

Выводы

1.1. Географическое пространство, в которое вписывает себя Фатима, сопряжено с её практическими интересами (акцентирует приезд жениха из Голландии, возможность устроить жизнь в Европе). Всё, что не связано с практическими интересами респондента, не попадает в фокус её внимания – респондент не локализует себя в историко-географическом пространстве Афганистана, что говорит об отсутствии её интереса к истории своей страны, событиям, связанным с мусульманским конфликтом и географией данного конфликта – где он имеется и почему? В освещении респондентом темы «Афганистан» не присутствует анализ, что реализуется в неопределённости причин (*какой-то взрыв в Москве был*), акценте на следствиях (*из-за этого как-то начали к восточным плохо относиться*).

1.2. Географическое пространство Наргес формируется в соответствии с системой её ценностей – уровень жизни, спокойствие, отсутствие военных действий, свобода и права женщины, мультикультурализм. Соответственно респондент локализует себя в европейском пространстве и выносит себя за рамки Афганистана.

1.3. И Фатима и Наргес эксплицируют в своём дискурсе семью как наивысшую ценность. Однако если в первом случае семейная ценность локализует респондента в рамках её квартиры, в которой проходят семейные будни, то во втором случае семья расширяет географическое пространство респондента до размеров мира. Критерием такой локализации выступает «взаимодействие». Так, в случае Фатимы связи с родственниками практически утрачены, а понятие семьи сопряжено с малым кругом родителей, брата и его семьи, сестры; своих родственников из других стран она почти не знает. Хотя Фатима и заявляет о том, что общается с родственниками, это общение не оказывает какого-либо влияния на её миропонимание (родственники не информируют о событиях в Афганистане, не обмениваются жизненным опытом). Во втором случае семья выводит респондента в мировое пространство. Общение с родственниками из других стран стимулирует непосредственное соприкосновение с культурой (посещение Афганистана), сравнение респондентом различных жизненных укладов (система страхования в разных странах), аналитизм и оценочность по отношению к феномену миграции (значимость базовых материальных ценностей – электричества, воды, отопления).

2.1. В культурно-мировоззренческом пространстве Фатимы её мало что связывает с Афганистаном. Она эксплицирует ценность открытости внешности женщины, свободу и право на самоопределение. Так, Фатима заявляет о значимости афганских традиций в её жизни (общественное мнение о девушке), однако нивелирует данную ценность, как только речь заходит о личной выгоде (допускает возможность сняться в рекламе, если это принесёт неплохой доход). Значимость афганского национально-культурного компонента способствует в дискурсе Фатимы её самореализации, успехам в профессиональном пространстве, и, таким образом, функционально трансформируется в профессионально значимые качества. Таким образом, афганская самоидентификация для Фатимы – это способ манипулирования другими с целью получения признания и личного превосходства.

2.2. Позиционируя себя как ‘современную’ и ‘открытую’, Наргес градуирует в своём дискурсе понятие «современности» и выделяет 1) консервативных афганок 2) современных афганок 3) умеренных европейцев и 4) совсем современных европейцев. Респондент заявляет о своей афганской идентичности, однако в культурно-мировоззренческом пространстве её мало что связывает с традиционным Афганистаном. Практически во всех темах реализуется стратегия отказа от афганских ценностей с целью вхождения в европейское национально-культурное сообщество как «своей». Таким образом, пространство Германии выступает в дискурсе Наргес определённым плацдармом для открытости, свободы самоопределения, прав женщины.

Единение с Афганистаном, эксплицированное в дискурсе Наргес, носит стратегический характер: респондент акцентирует связь со своими 'корнями' с целью устранения негативных стереотипов об афганцах в миграции, имеющих место в европейском обществе (консерватизм мышления, необразованность, связь с террористическими организациями).

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике: Логика и лингвистика (проблемы референции), 1982. – Вып. XIII. – С. 5 – 40.

2. Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/ling/dijk.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., дата обращения: 07.05.2012.

3. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

4. Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста // Методы анализа текста. – Вып.2. – Тетради новых терминов 39. – М.: ВЦП, 1982. – 90 с.

5. Методология исследования политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов // И.Ф. Ухванова-Шмыгова, А.А. Маркович, В.Н. Ухванов. – Мн.: Технопринт, 2002. - Выпуск 3. – 360 с.

6. Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов // И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск: Бел. гос. ун-т, 2008. – Вып. 5. – 271 с.

7. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. – М.: Наука, 1985. – 272с.

8. Попова А.В. Дискурс-картины мира и кортежного взаимодействия элитарных средств информации. – Минск: центр БГУ, 2008. – 153 с.

9. Савич Е.В. Продвижение и защита интересов группы: опыт дискурс-анализа // Социальная власть языка. - Воронеж, 2001. - С. 214–220.

10. Страусс А., Корбин, Дж. Основы качественного исследования. Обоснованная теория: процедуры и техники. – М.: УРСС, 2001. – 253 с.

11. Kuckartz Udo. Einführung in die computergestützte Analyse qualitativer Daten. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2005. – 255S.

12. Kuckartz U., Grunenberg, H., Lauterbach, A. Qualitative Datenanalyse computergestützt. Methodische hintergründe und Beispiele aus der Forschungspraxis. – Wiesbaden: VS Verlag, 2004S.

13. Strübing Jörg. Grounded Theory. – Wiesbaden: VS Verlag, 2004. – 186S.

References

1. Arutyunova N.D. Linguistic problems of reference // New in foreign linguistics: logic and linguistics (Problems of Reference), 1982. – Issue XIII. – p. 5-40.

2. Van Dyke T.A. Kinch B. Strategies of the connected text understanding // New in foreign linguistics. – Issue 23. Cognitive aspects of language. – M., 1988. Mode of access: <http://philologos.narod.ru/ling/dijk.htm>, free. – Caps. from the screen. – Lang. Rus., date of access: 07.05.2012.
3. Van Dijk T.A. Language. Cognition. – Moscow: Progress Publishers, 1989. – 312 p.
4. Demyankov V.Z. Anglo-Russian terms on Applied Linguistics and automatic processing of text // text analysis methods. – Issue 2. – Notebooks of new terms 39. – M.: TDC 1982. – 90 p.
5. Methodology of the study of political discourse: Actual problems of meaningful analysis of socio-political texts // I.F. Uhvanova-Shmygova, A.A. Markovic, V.N. Uhvanov. – Mn.: Tekhnoprint 2002. – Issue 3. – 360 p.
6. Research Methodology of Political Discourse: Actual problems of meaningful analysis of the socio-political texts // I.F. Uhvanova-Shmygova. – Minsk: Bel. State University, 2008. – Issue. 5. – 271 p.
7. Paducheva E.V. Statement and its relation to reality: referential pronouns aspects of pronouns semantics. – Moscow: Nauka, 1985. – 272 p.
8. Popova A.V. Discourse-pictures of the world of and tuple interaction of elite media. – Minsk: BSU Center, 2008. – 153 p.
9. Savic E.V. Promotion and protection of the group interests: the experience of discourse-analysis // Social power of language. – Voronezh, 2001. – p. 214-220.
10. Strauss A., Corbin J. Basics of qualitative research. Grounded theory: procedures and techniques. – Moscow: URSS, 2001. – 253 p.
11. Kuckartz Udo. Introduction to computer-aided analysis of qualitative data. – Wiesbaden: VS Verlag für Social Sciences, 2005. – 255p .
12. Kuckartz U., Grunenberg, H., Lauterbach, A. Qualitative data analysis with computer assistance. Methodological backgrounds and examples from research practice. – Wiesbaden: VS Verlag, 2004.
13. Strübing Jörg. Grounded Theory. – Wiesbaden: VS Verlag, 2004. – 186 p.

(0,5 п.л.)